

УДК 94(47+57)''1917/1991''+21

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ КАМПАНИЯ 1954 ГОДА: МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. Л. Глушаев

Рассматриваются некоторые аспекты антирелигиозной кампании 1954 г. в Молотовской области. Исследование пропагандистской акции, которая была направлена против религиозных обрядов, праздничной культуры уральского села, показывает, что антирелигиозная пропаганда выступала в качестве специфической практики мобилизации населения. Однако репрессивная стратегия атеистической пропаганды не получила поддержки в обществе. Возобладал «умеренный» подход в государственно-конфессиональных отношениях.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, дисциплинарные практики, повседневная религиозность, праздничная деревенская культура, идеологическая норма.

Обстоятельства и время появления постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» исследованы в работах многих историков и религиоведов [*Волокитина, Мурашко и др.*, 2008, с. 110–122; *Горбатов*, 2008, с. 158–166; *Шкаровский*, 2010, с. 350–353]. С этим постановлением принято связывать изменение в отношениях государства и церкви. Первоначально суть этих отношений, сложившихся с осени 1943 г., воплощалась в конфессиональной политике сталинского государства, которая «если не способствовала, то, по крайней мере, не препятствовала оживлению религиозной жизни в стране» [*Чумаченко*, 2002, с. 27]. Изменения в жизни страны после смерти Сталина обострили глубинные противоречия социального строя, дестабилизировав в ряде случаев сложившуюся практику проведения религиозной политики государства.

Большинство авторов, оценивая июльское постановление, отмечают нарастание идеологического и административного конфликта между партийным государством и Русской православной церковью (РПЦ). Такое заключение имеет веские основания. Однако, несмотря на то что исследователи ввели в научный оборот ранее неизвестные документальные источники, существует потребность в расширении источниковедческой базы в процессе изучения темы, в частности, в использовании архивных фондов, которые по тем или иным причинам оказались вне научного интереса авторов. Внимание исследователей было сосредоточено в основном на изучении государственно-церковных отношений, что, конечно, не исчерпывает всего разнообразия планов антирелигиозной кампании 1954 г.

Во-первых, постановление ЦК от 7 июля 1954 г. необходимо рассматривать в общем пакете документов, призванных реформировать социальную и хозяйственную жизнь страны. Послевоенное десятилетие в СССР характеризуется не только достижениями в деле восстановления промышленного потенциала страны, успехами в развитии ракетно-ядерных технологий и атомной энергетики, но и скудным, полуголодным существованием основной массы населения, высокой степенью криминализации общества. Кризисным было положение в сельском хозяйстве. Советские руководители «имели все основания оценивать экономическую ситуацию как неблагоприятную, грозящую хозяйственной катастрофой», способной «привести страну к голоду, массовому недовольству и, в конечном счете, к политическому взрыву» [*Лейбович*, 1993, с. 94]. Одновременно реформаторская деятельность первых лиц государства была жестко ограничена системой социалистических идеологем. Она влияла на конструирование реальности, воплощаясь в социальных практиках, мобилизационных кампаниях, в утверждениях о том, что «религиозные предрассудки и суеверия отравляют сознание части советских людей, мешают их сознательному и активному участию в строительстве коммунизма» [О крупных недостатках..., 1985, с. 428–432].

Во-вторых, как подчеркивает С. А. Штырков, «... объектом гонений, как с точки зрения гонителей, так и гонимых, были тогда не столько какая-то определенная церковь, сколько религия в целом... Более того, с самого начала новой атаки на религию объектом государственного внимания стали практики, которые сложно воспринимать в рамках институализированной деятельности»

[Штырков, 2009, с. 148]. Речь идет о паломничестве к святым местам, о религиозных праздниках, которые, по мнению авторов постановления ЦК, сопровождаются «многодневным пьянством, массовым убоем скота». Иными словами, было обращено внимание на традиционные формы культурной жизни народов.

В-третьих, антирелигиозная кампания 1954 г., как форма политической коммуникации, сильно влияла прежде всего на систему идеологических установок. Она формировала информационное пространство, но не затрагивала институциональных основ религиозных организаций. Возможно, говоря о проблеме «оживления деятельности церкви и различных религиозных сект», партийная власть в большей степени была озабочена тем, что среди «партийных и советских работников утвердилось ошибочное мнение» о самоликвидации религии по ходу коммунистического строительства. Очередным «усилением антирелигиозной пропаганды» власть преследовала цель напомнить своим активным сторонникам об идеологической норме.

В предлагаемой работе ставится цель – продолжить изучение истории периода интенсивной антирелигиозной кампании 1954 г., исследуя ее в событиях повседневной жизни граждан города Молотова и области. Историческая реконструкция ситуации тех лет предполагает выявление связей между задачами властных институтов по реформированию социальных отношений в советском обществе и ходом антирелигиозной агитации, в процессе которого делается попытка показать реакцию партийной номенклатуры на интенсивную атеистическую пропаганду.

Источниковедческой базой исследования служат фонды обкома и горкомов КПСС в Пермском государственном архиве новейшей истории, публикации в местной прессе за 1954–1955 гг., на страницах которой пропагандировались основные идеи, решения идеологического «наступления» на традиционные, связанные с религией, обиходные практики. В соответствие с темой исследования внимание автора сосредоточено на описании и интерпретации в литературе тех лет событий антирелигиозной кампании 1954 г. в Пермском крае¹.

Судя по публикациям в местной печати, антирелигиозная пропагандистская акция на Западном Урале стала разворачиваться за несколько месяцев до принятия постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде...». Еще в начале 1954 г. в областной газете «Звезда» сообщалось о состоявшемся в Москве совещании заведующих отделами пропаганды и агитации, отделами науки и культуры обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик² [За идеологическую работу..., 1954, с. 2]. Позже с аналогичной повесткой дня прошло совещание в областном комитете КПСС. На семинаре-совещании говорили и об антирелигиозной агитации. Ее проблемы явно волновали партактив, признававший, что «...одним из наиболее слабых участков идеологической работы является естественно-научная пропаганда» [Тесная связь..., 1954, с. 2]. Внимание к атеистической пропаганде идеологического актива было не случайным. Ежеквартальные информационные отчеты уполномоченных Советов по делам Русской православной церкви (далее – СД РПЦ) и по делам религиозных культов содержали сведения о росте влияния религиозных групп, массовом паломничестве к святым местам, что воспринималось партийными функционерами как прямой вызов идеологической и, шире, культурной монополии власти. Наиболее заметно это противопоставление было в повседневной культуре, особенно в сравнении с праздниками деревенского календаря. Уполномоченный СД РПЦ по Молотовской области П. С. Горбунов сообщает о многочисленных событиях религиозного характера в жизни колхозников. В отличие от престольных праздников, сетует уполномоченный, в деревнях «...наш советский Великий праздник 36-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции прошел совсем незаметно и к нему не готовились, такого интереса не проявлялось» [Лейбович, 2009, с. 26–27]³. Однако, несмотря на «сигналы с мест», в обкоме заняли выжидательную позицию.

В начале весны на основе директив февральско-мартовского пленума ЦК КПСС обком готовил свой пленум. Первым вопросом стояла мобилизация трудящихся для выполнения планов в сельском хозяйстве, переживавшем тяжелейший кризис. Проблемы антирелигиозной агитации были, можно сказать, третьестепенными.

Пробный шар пропагандистской акции против бытовых и традиционных форм религиозности было решено запустить через молодежную прессу. В начале марта 1954 г., как весенняя ласточка, в печатном органе Молотовского обкома ВЛКСМ «Молодая гвардия» появляется фельетон «Афанасьев день». От иных антирелигиозных статей, периодически появлявшихся на страницах областной печати в предыдущие годы, фельетон отличался содержанием. В нем описывалась, с

критической целью, разумеется, некоторая повседневная практика в жизни уральской глубинки. Автор фельетона подвергал уничижительной критике секретаря Белооевского райкома комсомола (Коми-Пермяцкий АО) за пассивное поведение во время празднования в феврале престольного дня св. Афанасия. «Вот уже третьи сутки в селе и окрестных деревнях справляли “престольный” праздник – “афанасьев день”. Третье утро надрывались колокола егвинской церкви, принимались и провозжались гости, и никто не подходил к молотилкам на колхозных токах, не разжигал горны в сельских кузницах» [Шадрин, 1954, с. 8]. За идеологической риторикой автора четко обозначена тема – религиозный сельский праздник. Распространенный в культурном пространстве того времени праздничный календарь деревенской жизни, наполненный религиозными образами, оказывался прямым вызовом распорядку и структуре советских праздников.

Традиционный, религиозный смысл праздничного действия на селе, его массовость исключали, нейтрализовывали местный руководящий актив. Монолог-оправдание секретаря райкома в интерпретации автора фельетона иллюстрирует двусмысленность положения: «Разве у нас гулять запрещено? ...Ведь комсомольцы в церковь не ходят и в бога не верят, а если и выпьют вместе с верующими, так что же тут такого. Нехорошо вот только, что прогуливают...» [Там же]. Судя по этому высказыванию, в сознании активиста без особых противоречий сосуществовали две культуры, два уклада сельской жизни – советский и традиционный, тесно связанный с патриархальной крестьянской общиной. В представлении же фельетониста этот мир традиций был воплощен в «необычного вида женщинах в черных, низко опущенных на лоб платках». «Полз по колхозным избам ядовитый (курсив мой. – А. Г.) шопоток: – Что ж ты, милоч, мамки-то не слушаешься, креститься в церковь не идешь? – нашептывала одна из “божьих старушек” захмелевшему Ивану К. из деревни Отево. – Теперь и комсомольцы за религию стоят. Сам видишь, как праздники святые почитают...» [Там же]. Мотив «идеологического отравления» молодых душ, далеко не новый, восходящий к антирелигиозным кампаниям 1920–1930-х гг., вновь стал использоваться пропагандой в первой половине 1954 г. с целью убедить молодежь в архаичности, несоответствии советским стандартам жизни религиозных традиций, обрядов крестьянской культуры. Этому способствовал ряд агитационных материалов с указанием фамилий «провинившихся», опубликованных в местной прессе.

В фельетоне под звучным названием «В дыму кадил», последовавшим через некоторое время за «Афанасьевым днем», читаем: «Дико и странно было видеть этого молодого человека в церкви, в окружении молящихся старушек и старичков, которые славословили отступничеству комсомольского активиста, радовались торжеству религиозных предрассудков. ...Этот дым и эти колокола смутили не одного Сергея Шубина. Неизвестно, какими мотивами руководствовалась комсомолка Зоя Костырева – учительница Шубинской школы, когда на виду у всех своих учеников отправилась венчаться в церковь» [Соколов, 1954, с. 3]. Подобная журналистская практика, обвинение конкретных лиц в идеологической неблагонадежности, в период пропагандистских кампаний демонстрировала саму борьбу с иными, «не советскими», моделями поведения в быту. Можно заметить, как нарастающая агрессивность пропаганды начинала оказывать давление на сомневающихся, индифферентных в вопросах религиозной веры людей, она вмешивалась в жизнь и изменяла их личную судьбу. Не случайно этот же автор сообщает, что молодых людей, чьи фамилии были упомянуты в печати, исключили из ВЛКСМ.

Таким образом, актуализация антирелигиозных установок в публицистике того времени преследовала цели, выходящие за рамки государственно-церковных отношений. «Вдруг» обнаружилось, что многие религиозные практики, вплетенные в традиционные формы быта, регламентирующие, в частности, рабочее время, праздничный календарь, обряды и проведение досуга, были распространены более широко, чем советские традиции быта. Вопрос реформирования общества в представлении части идеологического актива тесным образом оказался связанным с проблемой более глубокой «советизации» повседневности. И именно антирелигиозная кампания 1954 г. оформляет эту задачу культурной политики партийного руководства.

У каждой информационной кампании есть своя логика. Выступления на заданную тему в печати должны иметь продолжение в соответствующих политических решениях, которые закрепляли бы новый расклад приоритетов. Можно предположить, что фельетоны, похожие на «Афанасьев день», лишь запускают механизм развертывания метафорических моделей и образов, с помощью которых современники осмысливали политическую реальность, социальные отношения. Своей массовостью подобные тексты создают в информационном пространстве своеобразные «метафо-

рические бури», которые, как известно, предшествуют политическим трансформациям в обществе или совпадают с ними по времени [Будаев, Чудинов, 2008, с. 12]. Воздействуя на лингвистическое поле, обновляя антирелигиозные метафоры, власть формировала пространство для активности своих сторонников, определяла цели-мишени административного и общественного контроля над разными сферами повседневной жизни населения. Поэтому можно судить о начале антирелигиозной кампании 1954 г. по газетным публикациям, в которых меняется содержание и направленность пропаганды.

Изменение идеологических установок в отношении религии, религиозной субкультуры не заставило себя ждать. Вначале оно не было закреплено партийным постановлением, но отчетливо прозвучало в марте 1954 г. на XII съезде ВЛКСМ. В отчете секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина (соавтора будущего июльского постановления [Волокитина, Мурашко, и др., 2008, с. 119]) формулируется несколько директивных положений, демонстрирующих старт кампании. Представлю их выдержками из доклада:

«Поучительным... было совещание секретарей по пропаганде и агитации (по аналогии с совещанием в ЦК КПСС. – А. Г.) обкомов, крайкомов и ЦК ЛКСМ союзных республик, созванное ЦК ВЛКСМ в феврале с.г. На нем обсуждался вопрос об усилении политической работы среди сельской молодежи... Многие секретари пытались говорить на этом совещании о чем угодно, но только не о сельском хозяйстве. Почему? Да потому, что некоторые из них и не думали заниматься этим делом, считали, что *мобилизовывать* молодежь на подъем сельского хозяйства не входит в обязанности отделов пропаганды и агитации...».

«Несколько слов об атеистическом воспитании молодежи, об антирелигиозной пропаганде. Нужно признать, что антирелигиозная пропаганда в комсомоле серьезно ослабла, а кое-где совершенно прекратилась. Отдельные комсомольские работники склонны преуменьшать вредное влияние церкви на молодежь и детей. Для подобного благодушия нет никаких оснований. Факты говорят о том, что некоторые юноши и девушки подпадают под влияние религиозной идеологии.

Задача состоит в том, чтобы покончить с безразличным отношением к деятельности церкви среди молодежи, всемерно усилить атеистическое воспитание молодежи, *восстановить в полных правах антирелигиозную пропаганду* в комсомоле» (курсив мой. – А. Г.) [Отчет ЦК ВЛКСМ..., 1954, с. 3–4].

Последние тезисы касались непосредственно начала антирелигиозной пропагандистской акции 1954 г., но они, как видно из текста выступления, тесно связаны с общей хозяйственной и мобилизационной политикой правительства. Как говорил первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, «нельзя упускать из-под нашего влияния людей малосознательных, малоразвитых, с отсталыми настроениями. Эти люди обычно вырабатывают мало трудодней» [О дальнейшем увеличении..., 1954, с. 4]. Сфера идеологии традиционно должна была обслуживать мобилизационные кампании советской власти, призванные внеэкономическими стимулами поднять производительность труда или агитационной работой дисциплинировать определенные категории населения.

События развивались таким образом, что несколько дней спустя после закрытия XII съезда ВЛКСМ 27 марта, на стол Хрущева легла докладная, подготовленная в недрах Агитпропа и Отдела науки ЦК, «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде». Ее авторы, намеренно сгущая краски, нарисовали картину быстрого роста религиозных организаций, прежде всего РПЦ, и полного развала атеистической работы в стране [Шкаровский, 2010, с. 352; Волокитина, Мурашко и др., 2008, с. 118].

На местном уровне, выполняя установки ЦК КПСС, в середине апреля 1954 г. отдел агитации и пропаганды обкома партии совместно с Молотовским областным отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и областным лекционным бюро проводит семинар по научно-атеистической пропаганде. На семинаре присутствовали 186 лекторов из разных районов области. Часть предложений, высказанных на семинаре и внесенных в резолюцию, касалась организации передвижных антирелигиозных выставок, централизованного изготовления в большом количестве наглядных пособий и, конечно, того, чтобы «дать указание партийным, комсомольским и профсоюзным организациям усилить на местах научно-атеистическую работу»⁴.

События в областном городе Молотове развивались в соответствии с общей идеологической ситуацией. Не буду утверждать, что после доклада А. Н. Шелепина или при явной поддержке обкома партии на страницах областной печати развернулась антирелигиозная истерия. Появилось не-

сколько антихристианских статей, дидактическая цель которых заключалась в наставлении не участвовать в религиозных праздниках. Но один апрельский номер «Молодой гвардии» явно информирует о развертывании кампании, преследующей многие цели. Антирелигиозная направленность комсомольского активизма реализовалась в газетном слогане: «...пьешь, куришь и в бога веруешь?»⁵. В областном центре и районах, как сообщается в публикации, были организованы комсомольские патрули для наведения «общественного порядка». Непосредственные причины этой инициативы не афишировались. Можно предположить, что неспособность властей справиться с уличной преступностью, захлестнувшей г. Молотов в 1953–1954 гг.⁶, заставила использовать различные формы дисциплинарного воздействия.

В деятельности комсомольских штабов по патрулированию городских улиц привлекает внимание очень широкий спектр контроля: задерживали и препровождали в отделения милиции не только пьяных подростков, но и велосипедистов, лихо ездивших по тротуарам города. Инициативные группы комсомольцев проявляли идеологическую бдительность, помещая репортажи с фотографиями школьников, обратившихся к гадалкам [Вот, против чего..., 1954, с. 4]. В этом смысле газетные репортажи весны 1954 г. оказываются ценными источниками изучения повседневной жизни молодых пермяков. Перешагнув на какой-то миг рамки цензуры, они показывают «непричесанную» действительность. Правда, газетная «вольница» скоро закончилась.

В «Комсомольской правде», печатном органе ЦК ВЛКСМ, 5 июня 1954 г. появляется «разгромная» статья о работе редакции молодежной газеты «Молодая гвардия» [Сенсация..., 1954]⁷. Ее журналистов обвинили в сборе сенсаций и сплетен. «Куда бы ни пришли корреспонденты, везде их взору открываются одни ужасы. И, не разобравшись в чем дело, не заглянув, как говорится, в святцы, редакция незамедлительно бухает в колокола на страницах газеты»⁸. Особенно досталось за антирелигиозный фельетон «В дыму кадил». Автора фельетона А. Соколова обвинили в искажении действительности, в желании доказать, «что священнослужители ведут работу среди молодежи куда более интересно и успешно, чем комсомольские организации»⁹.

Перипетии этого конфликта требуют специального исследования.

Редакционная статья в «Комсомольской правде» остановила усиление газетных «метафорических бурь» и разрастание политической кампании не только в Молотовской области. Критике были подвергнуты печатные издания в других регионах СССР. Все это происходило за месяц до опубликования постановления ЦК КПСС об усилении атеистической пропаганды.

Пауза, возникшая в напряженном информационном пространстве после публикации в «Комсомолке», наводит на мысль, что власти, понимая необходимость изменений в системе управления обществом, экспериментируют с разными методами дисциплинирования населения. Антирелигиозные темы информационного натиска вместе с кампанией за здоровый быт начинают выступать как специфические мобилизационные практики. Они поддерживают своеобразный «тонус» общественного мнения, иницируя различные формы общественного порицания, к примеру, строгое взыскание получили восьмиклассницы одной из школ областного центра, решившие узнать исход экзаменов у гадалки [По следам выступлений «Молодой гвардии», 1954, с. 3]. Идеологам, общественникам-атеистам казалось, что именно «отсталость», «предрассудки» основной массы населения, «несоветскость» традиционных форм культуры не позволяют совершить экономический прорыв в будущее. И они неистово бичуют «пороки». Но информационная активность местных СМИ, видимо, превысила допустимые, с точки зрения партийных функционеров, рамки открытости.

В целом то, что именно религиозная идеология, церковные практики и религиозные сельские праздники стали мишенью кампании, не удивительно. На протяжении всей истории советского общества сфера религиозной жизни населения оставалась единственным легальным, внесистемным, «не советским» образованием. Ее легальность обеспечивалась пунктом о свободе совести и отправлении религиозных культов в Конституции 1936 г. Но на системном уровне реализация конституционных прав граждан не была предусмотрена, все упиралось во множество действовавших законов и нормативных актов, часто не доступных верующим. Сталинская попытка инкорпорирования религиозных институтов в структуру общества была противоречивой и порождала постоянные конфликты между органами власти и религиозными сообществами. Более того, пропаганда идеологии марксизма-ленинизма формировала в массовом сознании стойкое неприятие сферы религиозного.

Публикация в газете «Правда» постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-

атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» была и ожидаемой, и неожиданной для разных слоев населения. Идеологический актив области был готов к появлению постановления развитием предшествующей информационной кампании, но прореагировал на него, как ни странно, очень вяло.

Редакция «Молодой гвардии» отмалчивалась после июньского «разноса». Информационную политику молодежной газеты обсуждали на II пленуме Молотовского обкома ВЛКСМ [II пленум Молотовского..., 1954, с. 2]. Теперь на страницах газеты печатался только позитивный и очень скучный материал об успехах молодых рабочих, с фотографиями ударников в полный рост.

Вероятно, с учетом предыдущего пропагандистского опыта осторожная реакция партийных и комсомольских функционеров, сотрудников средств массовой информации объяснялась ожиданием решения областного комитета КПСС. Он, в свою очередь, был занят проблемами уборки урожая. Однако к началу августа антирелигиозная пропаганда, очевидно, заняла очень важное место в пространстве политической коммуникации. 17 августа 1954 г. состоялось заседание бюро обкома КПСС, на котором выступила заведомо агитации М. Я. Кокшарова с докладом «О мерах по выполнению постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. “О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения”»¹⁰. Постановление бюро почти полностью дублировало текст июльского постановления ЦК, за исключением информации о местных практиках почитания святых мест. Во исполнение постановления ЦК КПСС бюро обкома партии требовало «...покончить с запущенностью антирелигиозной работы...»¹¹, что в переводе с партийного сленга означало активизацию антирелигиозной, антицерковной кампании в области.

Наиболее интересные газетные публикации за лето и осень 1954 г. перекликаются с фельетонами начала года. Повторим, что в центре внимания корреспондентов оказались преимущественно престольные праздники в деревнях Западного Урала, паломничество к святым местам и практики гадания и колдовства. Полномасштабная пропагандистская акция сопровождалась не только идеологической риторикой и призывами к бдительности, но и применением административных и дисциплинарных мер в отношении отдельных групп или лиц.

«Молодая гвардия» и «Звезда» с небольшим временным разрывом печатают статьи антирелигиозного содержания, которые интересны некоторыми бытовыми наблюдениями, помогающими частично реконструировать повседневную жизнь колхозного крестьянства области, выявить их отношение к обрядам религиозной культуры. «У нас ведь так повелось, – передает корреспондент слова колхозника из Чернушинского района, – в каждой деревне свой престол. У одних троица, у других девятая пятница или еще что-нибудь. Вот и ездят в гости друг к другу» [Макурин, 1954, с. 2]. В данном случае речь идет о традиции почитания дней святых или священных событий в каждой уральской деревеньке, население которой идентифицировало себя с православием или старообрядчеством.

Календарный цикл крестьянского труда предполагал временные перерывы, освященные религиозной традицией. В 1930-е гг., в период принудительной коллективизации, наблюдатели фиксировали, как в некоторые праздники православного календаря и в честь дней святых крестьяне бросали работу [Рольф, 2009, с. 214]. В военное и послевоенное время прежний ритм работы в сельской местности сохранился и влияние советских праздников, о чем уже говорилось, было ограниченным. Значение престольных дней для праздничной деревенской культуры было огромным. На селе к ним готовились. «Еще за месяц, – описывается в корреспонденции «Престольный Серафим», – начали заваривать брагу, закупать спиртные напитки» [Воробьев, 1954, с. 3]. Понимая, что празднование дня святого нарушает «рабочие будни», предписанные районным начальством, в одном из колхозов накануне престольного дня собралось правление. «Совещались, думали и вынесли решение: днем работать, гулять ночью. Потом председатель колхоза уточнил (!) время окончания дневных работ и начала пьянки – в 6 часов вечера. Таким образом, – заключает автор, – получилось, что руководители артели поддержали пьянку, поддержали “престольного Серафима”» [Там же]. В другом районе области, но примерно в то же время, как сообщали корреспонденты, отмечался Ильин день. «Двое суток подряд... шло гулянье в сельхозартели “Красный факел”, причем главным организатором его здесь явился председатель колхоза Кузнецов...» [Макурин, 1954, с. 2]. В обоих случаях председатели сельхозартелей выступали в главной роли и чем-то напоминали сельских старост пореформенной деревни, а коллективы колхозников выступали в качестве православных общин, справляющих престольные дни. Это размывание границ между советской (колхозной) и религиозной идентичностью деревенских жителей было явлением времени и, как отмечает

Ж. В. Кормина, сохранялось до мероприятий по укрупнению колхозов в 1960-е гг. [Кормина, 2008, с. 101]. Общинный характер празднования сказывался и в ритуализированном пьянстве. Феномен «праздничного пьянства» не так прост, как кажется на первый взгляд, хотя массовое употребление спиртных напитков в престольный праздник стало «притчей во языцех» для атеистической литературы тех лет.

Газеты лета 1954 г. доносят, как в одном из колхозов Молотовской области во время празднования престольного дня из 172 трудоспособных колхозников не вышли на работу более 150. Особенно отличился секретарь колхозной парторганизации, о котором местные жители сказали: «...первым в деревне престол начал справлять и, видно, последним закончит. Вот и сегодня, говорят, “лыка не вяжет”» [Макурин, 1954, с. 2]. Пьянство в эти дни, если не брать во внимание явные эксцессы, с ним связанные, было составной частью деревенского праздника. Обращает на себя внимание описание события в газетной публикации: «На поляне расположилась кружком большая группа празднично одетых мужчин и женщин. В центре у них – корчага с брагой» [Там же]. То, что это происходит именно в престольный праздник, мы узнаем из контекста. В своем повседневном существовании деревенская культура интегрировала разные символические и ритуальные практики. Так, в свое время она объединила литургию православного праздника и праздничное застолье с употреблением спиртных напитков. Престольный праздник, в чем-то карнавальное действие с потреблением спиртного, прерывал напряженный рабочий цикл крестьянского быта, делал наглядными отношения между родственниками и соседями. «Пришла ближняя и дальняя родня, просто знакомые, любители выпить, собрались почти со всей округи, из других районов, из самого Кудымкара. ...Вскоре гулянье переместилось на улицу. Под визгливые звуки гармоники девушки, стоя друг против друга, деловито отбивали чечетку, горланили частушки. Парни стояли поодаль» [Воробьев, 1954, с. 3]. Оставим на совести автора «Престольного Серафима» стиль изложения и увидим другое – праздничную солидарность сельского мира. То, что праздник связан генетически с православным календарем, не меняет его значения в функциональном плане. Однако именно эта связь противостояла претензиям власти на культурную монополию.

Непосредственным результатом газетных публикаций стало применение дисциплинарных мер в отношении указанных лиц. «Председатель колхоза «Красный факел» Кузнецов за пьянство от работы освобожден. Председателю колхоза им. XVI партсъезда Мелешкину объявлен строгий выговор. Секретарю парторганизации колхоза «Правда» т. Самуилову за пьянство объявлен выговор. Райкомом партии намечены конкретные мероприятия по усилению антирелигиозной пропаганды...» [По следам выступлений «Звезды», 1954, с. 3].

Безусловно, газетные статьи, которые использованы в исследовании, не исчерпывают многообразия антирелигиозных публикаций в областной прессе. Автор не рассматривает материалы клеветнического характера против священнослужителей, впоследствии признанные таковыми даже в партийной среде. Основная цель работы – представить антирелигиозную кампанию 1954 г. как своеобразную мобилизационную практику власти по отношению к сельскому населению, от которого требуют повышения эффективности производства. С помощью пропаганды, мишенью которой оказался религиозный деревенский праздник, партийные руководители пытались колонизировать важнейший ресурс летней страды – рабочее время крестьян. Газета «Молодая гвардия», рассчитывая на молодежную аудиторию, даже провела нехитрые расчеты, согласно которым за время празднования Ильина дня в колхозе «Правда» Чернушинского района можно было бы обработать 75 га земли, а если «...прогулы перевести на потери зерна, то это, примерно, составит 225 центнеров» [Приход и расход, 1954]. Однако при отсутствии экономических стимулов в сельском хозяйстве, сохранении сложившихся производственных отношений основная задача – изменение отношения колхозников к своему рабочему времени – оставалась нерешенной. Важно отметить, что с точки зрения материальных затрат и организационных усилий пропагандистские акции требовали меньше расходов и забот, чем реформирование хозяйственных структур. Пропаганда в этом случае оставалась главным средством управления массовой коммуникацией с целью расширения власти [Лассвел, 2009, с. 179], «советизации» повседневности.

Специфической чертой массовых пропагандистских акций является их краткосрочность. К концу сентября 1954 г. партийные организации области уже подводили итоги антирелигиозной кампании, фиксировали границы нового коммуникационного пространства. Основным содержанием большинства выступлений были реплики о том, что «в августе и сентябре заметно увеличилось

количество докладов и лекций» по научно-атеистическим вопросам.

По частотности публикаций в областной прессе можно заметить, как первоначальный неумеренный энтузиазм в освещении антирелигиозных тем постепенно сменился рутинными обзорами о проведении тех или иных мероприятий. Рядовой слой партийно-советской бюрократии должен был каждодневно выполнять свои обязанности и, отдав должное агитационному возмущению, возвращался «на круги своя». На замечание корреспондента о плохой организации атеистической пропаганды одна сотрудница районного отдела культуры ответила: «Графы об антирелигиозных темах в отчетности нет» [Корепанов, 1954, с. 3]. Следует добавить, что пропагандистские акции проводились по шаблонам, принятым в партийно-бюрократической среде. Следование им в политической коммуникации вызывало разочарование, скуку, отторжение у слушателей. Основная масса населения пассивно сопротивлялась навязываемым формам «воспитательной работы». «На шпалопропиточном заводе, – сообщалось на собрании партийного актива города Молотова, – ...лекция о моральном облике советского человека сорвалась..., а на фабрике химчистки, в областном управлении трудовых резервов на лекциях присутствует лишь незначительное число работников» [Улучшать пропаганду..., 1954, с. 2]. Фактически, антирелигиозная кампания стала сворачиваться, и к середине осени наблюдался явный спад информационного натиска.

Выскажем предположение, что антирелигиозные действия по типу политических практик 1920–1930-х гг. не получили поддержки значительной группы сторонников атеистических взглядов. Наряду с воинственными заявлениями в прессе и устных выступлениях активистов в политическом слое партийно-советской номенклатуры существовал «умеренный» подход к атеистической пропаганде. В связи с этим на собрании городского партактива, проходившем в сентябре, характерно высказалась директор областной заочной школы Коваль. «...ЦК нашей партии и обком партии совершенно правильно указали на необходимость усиления антирелигиозной пропаганды. Но надо совершенно серьезно, – говорила выступающая, – подходить к вопросу усиления... Дело в том, что у нас есть среди коммунистов молодежь, которая воспитывалась в атеистическом духе, но не в духе воинствующего безбожника. Люди моего возраста помнят методы воинствующих безбожников, которые применялись в первые годы советской власти, те методы не приемлемы сейчас, а некоторые коммунисты, комсомольцы не понимают, что нужно изменить методы...»¹². Следует заметить, что, выступая против радикализации пропагандистских акций, директор школы исходила из сложившейся практики взаимодействия государства и религиозных организаций, инкорпорированных в структуры советского общества. Впоследствии умеренная позиция была зафиксирована в резолюции XIV городской партийной конференции от 16 октября 1954 г.: «Считать важнейшей задачей городской парторганизации устранение вскрытых в постановлении ЦК КПСС недостатков по руководству пропагандой научно-атеистических взглядов и здорового быта среди населения города, не допуская в антирелигиозном воспитании сбива на антипоповскую пропаганду и оскорбления чувств верующих...»¹³. Эскалация напряжения в обществе в связи с религиозной политикой явно не входила в планы номенклатуры. Вероятно, сказывался и общеполитический курс в стране («оттепель»). Очередное постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г., таким образом, не только свидетельствовало о противоречиях в высших эшелонах власти, но и отражало общее неприятие репрессивной стратегии антирелигиозной пропаганды.

В этот раз заседание бюро Молотовского обкома КПСС, посвященное постановлению ЦК, было подготовлено достаточно быстро. Уже 23 ноября 1954 г. состоялось совещание с обсуждением доклада отдела пропаганды и агитации «О задачах парторганизаций по выполнению постановления ЦК КПСС “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения”». На основе доклада было принято постановление бюро, содержащее информацию о региональной политике в религиозной сфере. В документе, в частности, утверждалось: «Вместо систематического и глубокого проведения пропаганды естественно-научных знаний, широкой разъяснительной работы и на этой основе постепенного сознательного отхода верующих – хотя они составляют даже незначительную часть трудящихся области (в действительности никто не знал даже приблизительно числа верующих в советском обществе. – А. Г.) – из-под влияния церкви и других религиозных предрассудков отдельные работники стали применять по отношению к служителям культа и верующим административные меры, оскорблять их чувства. В газетах “Звезда”, “Молодая гвардия”, “Уральская кочегарка”, “За передовую металлургию”, “Камский бумажник” были напечатаны ста-

ты, содержащие грубые выпады против служителей культа и верующих. Аналогичные ошибки допускались в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков. В отдельных организациях и учреждениях имели место попытки уволить с работы лиц, принимающих участие в церковной деятельности»¹⁴. Из-за резкой смены партийного курса областной газете «Молодая гвардия» снова было поставлено «на вид» за чрезмерное усердие в антирелигиозной пропаганде.

Однако ревизия политической практики в сфере отношений с религиозным миром закрепляла обновленную систему нормативов, которой следовало придерживаться в повседневной жизни партийным и советским руководителям, активу, рядовым членам партии и комсомольцам. Антирелигиозное содержание пропаганды сохраняло свою актуальность. При возможных колебаниях партийно-государственного курса по отношению к верующим и церковным институтам, основным оставался принцип, сформулированный в 1955 г. представителем Молотовского обкома партии: «Учитывая, что *научно-атеистическая пропаганда не кампания* (курсив мой. – А. Г.), что в этой работе имеются еще серьезные недостатки, отдел (пропаганды и агитации обкома КПСС. – А. Г.) будет работать над их устранением»¹⁵.

Антирелигиозная кампания 1954 г. оказалась событием нетривиальным в истории советской пропаганды. Стратегия ее получила развитие в последующие годы. Она своеобразно воплотилась в первых исследованиях религиозности населения, в инсценировках «товарищеских судов» над верующими, в контроле над деятельностью религиозных общин и в различных формах атеистической агитации. Ответной реакцией людей на притязания власти в сфере общественной жизни стали обиходные практики и стили поведения, которые создали неповторимый образ жизненной среды советского общества во второй половине 1950-х гг.

Примечания

¹ Следует пояснить, что Молотовская область в начале 1950-х гг. территориально размещалась в административных границах современного Пермского края. Она включала Коми-Пермяцкий национальный округ. Областной центр носил имя известного советского руководителя В. М. Молотова. Но в ходе политической борьбы во второй половине 50-х гг. Молотов был смещен со своих постов, и в 1957 г. городу было возвращено историческое имя – Пермь.

² См.: Звезда, 1954, с. 2.

³ Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 20. Д. 131. Л. 227.

⁴ Там же. Оп. 21. Д. 230. Л. 56–58.

⁵ [– На каком основании? – Комсомольском, 1954, с. 2]. К этой публикации в качестве эпиграфа взята цитата из нового устава ВЛКСМ, в котором перечисляются, в частности, следующие обязанности комсомольца: «... бороться с пережитками капитализма в сознании молодежи, с пьянством, хулиганством, с *религиозными предрассудками* (курсив мой. – А. Г.) и нетоварищеским отношением к женщине» [Устав Всесоюзного Ленинского..., 1954, с. 2].

⁶ В современной историографии «хулиганизация» СССР во второй половине 1953 г., после бериевской амнистии, когда в одночасье на свободе оказались большие группы людей социально дезориентированных, с уголовным прошлым, имеет второе название – *молотовский синдром*. Криминальная ситуация в Молотовской области к осени 1953 г. фактически вышла из-под контроля властей, и 19 местных рабочих обратились с письмом к В. М. Молотову, в честь которого был переименован город Пермь. В письме описывалась вспышка массового уличного хулиганства. Жители города потребовали восстановления смертной казни за убийство и другие, особо опасные преступления. Поэтому 27 февраля 1954 г. министру внутренних дел и Генеральному прокурору СССР пришлось специально докладывать высшим советским руководителям о ситуации с преступностью в Молотовской области [Козлов, 2010, с. 84–85].

⁷ Статья была перепечатана в «Молодой гвардии» от 9 июня 1954 г.

⁸ Цит. по: Молодая гвардия. 1954. 9 июня. С. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 55. Л. 66.

¹¹ Там же. Л. 68.

¹² Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 646. Л. 139.

¹³ Там же. Д. 640. Л. 166.

¹⁴ Там же. Ф. 105. Оп. 21. Д. 69. Л. 41.

¹⁵ Там же. Оп. 22. Д. 186. Л. 129.

Библиографический список

– На каком основании? – Комсомольском // Молодая гвардия. 1954. 28 апр.

II пленум Молотовского обкома ВЛКСМ. Об организации культурного отдыха молодежи // Моло-

дая гвардия. 1954. 23 июня.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург, 2008.

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории. М., 2008.

Воробьев С. Престольный Серафим // Молодая гвардия. 1954. 8 авг.

Вот, против чего мы боремся (Инициативные группы сообщают) // Молодая гвардия. 1954. 16 мая.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск, 2008.

За идеологическую работу, тесно связанную с жизнью: Совещ. заведующих отделами пропаганды и агитации и отделами науки и культуры обкомов, крайкомов КПСС и ЦК компартий союзных республик // Правда. 1954. 1 февр.

Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2010.

Корепанов К. Без помощи и контроля // Звезда. 1954. 17 сент.

Кормина Ж. В. Исполкомы и приходы: религиозная жизнь Псковской области в первую послевоенную пятилетку // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 3 (059).

Лассвел Г. Д. Стратегия советской пропаганды // Полит. лингвистика. Екатеринбург, 2009. № 1 (27).

Лейбович О. Л. В городе М: очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х годах XX века. Пермь, 2009.

Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993.

Макурин Г. Илья престольный // Звезда. 1954. 18 авг.

О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель: докл. Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС. 23 февраля 1954 г. // Правда. 1954. 21 марта.

О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения: пост. ЦК КПСС 7 июля 1954 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. Т. 8.

Отчет ЦК ВЛКСМ XII съезду: докл. секретаря ЦК ВЛКСМ тов. А. Н. Шелепина // Комс. правда. 1954. 20 марта.

ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 640, 646; Ф. 105. Оп. 20. Д. 131; Оп. 21. Д. 55, 69, 230; Оп. 22. Д. 186.

По следам выступлений «Звезды» // Звезда. 1954. 15 сент.

По следам выступлений «Молодой гвардии» // Молодая гвардия. 1954. 30 мая.

Приход и расход // Молодая гвардия. 1954. 5 сент. (спец. вкладыш).

Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М., 2009.

Сенсация вместо борьбы с недостатками // Комс. правда. 1954. 5 июня.

Соколов А. В дыму кадил // Молодая гвардия. 1954. 28 апр.

Тесная связь с жизнью – главное в идеологической работе: с совещания в областном комитете КПСС // Звезда. 1954. 20 февр.

Улучшать пропаганду естественно-научных знаний и здорового быта среди трудящихся (Собрание партийного актива города Молотова) // Звезда. 1954. 28 сент.

Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи: Принят на XII съезде ВЛКСМ 25 марта 1954 г. // Комс. правда. 1954. 30 марта.

Чумаченко Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. // Религиоведение. 2002. № 1.

Шадрин Е. «Афанасьев день» // Молодая гвардия. 1954. 7 марта.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.

Штырков С. А. Обличительная этнография эпохи Хрущева: большая идеология и народный обычай (на примере Северо-Осетинской АССР) // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 1 (063).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2011